

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Юрий Яковлев
**РАССКАЗЫ
И ПОВЕСТИ**

Юрий Яковлевич Яковлев
Рассказы и повести
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7993392

*Рассказы и повести / Юрий Яковлев ; худож. Г. Мазурин. : Молодая
гвардия; Москва; 2010
ISBN 978-5-08-004392-5*

Аннотация

Ю. Яковлев (1922–1996) по праву считается классиком советской детской литературы.

Он один из тех прекрасных детских писателей, кто искренне интересуется внутренним миром ребенка и подростка.

Делая своих читателей собеседниками, Ю. Яковлев приглашает посмотреть, как с проблемами справляются его герои – обыкновенные дети, школьники. Кто-то скромный и робкий, кто-то мечтательный и смелый, объединяет же их одно: каждый день герои Ю. Яковлева открывают что-то новое в себе и в окружающем мире.

В книгу также вошли военные рассказы писателя.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Об авторе и его книгах	6
Багульник	17
Рыцарь Вася	32
Собирающий облака	43
Вратарь	57
Разбуженный соловьями	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

16 000

Юрий Яковлев

Рассказы и повести

Я детский писатель и горжусь этим.
Ю. Яковлев

Об авторе и его книгах

Юрий Яковлевич Яковлев родился 22 июня 1922 года в Ленинграде (ныне – Санкт-Петербург). Еще в детстве будущий писатель был членом «Литературного клуба», а его самые первые стихи были напечатаны в школьной стенгазете.

После окончания школы, за полгода до начала Великой Отечественной войны, восемнадцатилетнего Ю. Яковлева призвали в армию. Оттого так правдиво и реалистично в рассказах писателя звучит военная тема. «Моя юность связана с войной, с армией. Шесть лет я был рядовым солдатом», – писал он. Там, на фронте, Ю. Яковлев сначала был наводчиком зенитной батареи, а потом сотрудником фронтовой газеты «Тревога», для которой в часы затишья писал стихи и очерки. Тогда фронтовой журналист и принял окончательное решение стать писателем и сразу после войны поступил в московский Литературный институт им. А.М. Горького.

Самой первой книгой молодого поэта был сборник сти-

хов для взрослых о буднях армии «Наш адрес», напечатанный в 1949 году, позже появились сборники «В нашем полку» (1951) и «Растут сыновья» (1955). Затем у Ю. Яковлева стали выходить тоненькие стихотворные книжечки для детей. Но, как оказалось, поэзия не была его главным призванием. После опубликования в 1960 году небольшой повести «Станция Мальчики» Ю. Яковлев стал отдавать предпочтение прозе. Многогранный и талантливый человек, он пробовал себя и в кино: по его сценариям было снято несколько мультипликационных и художественных фильмов («Умка», «Всадник над городом» и другие).

Ю. Яковлев – один из тех детских писателей, кто искренне интересуется внутренним миром ребенка и подростка. Он говорил ребятам: «Ты думаешь, что... удивительная жизнь где-то далеко-далеко. А она, оказывается, рядом с тобой. В этой жизни много трудного, а порой и несправедливого. И не все люди хороши, и не всегда везет. Но если в твоей груди бьется горячее сердце, оно, как компас, приведет тебя к победе над несправедливостью, оно подскажет тебе, как надо поступать, поможет отыскать в жизни хороших людей. Совершать благородные поступки очень трудно, но каждый такой поступок возвышает тебя в твоих же глазах, и в конечном счете именно из таких поступков складывается новая жизнь».

Своего юного читателя Ю. Яковлев делает собеседником – не оставляя один на один с трудностями, а приглашая по-

смотреть, как с проблемами справляются его сверстники. Герои рассказов Яковлева – обыкновенные дети, школьники. Кто-то скромный и робкий, кто-то мечтательный и смелый, но всех их объединяет одно: каждый день герои Яковлева открывают что-то новое в себе и в окружающем мире.

«Мои герои – мои бесценные веточки багульника», – говорил писатель. Багульник – это ничем не примечательный кустарник. Ранней весной он похож на веник голых прутиков. Но если эти веточки поставить в воду, произойдет чудо: они зацветут мелкими светло-лиловыми цветочками, в то время когда за окном еще лежит снег.

Такие веточки однажды принес в класс главный герой рассказа «Багульник» – мальчик по имени Коста. Среди ребят он совсем не выделялся, на уроках обычно зевал и почти всегда молчал. «Люди недоверчиво относятся к молчаливкам. Никто не знает, что у них на уме: плохое или хорошее. На всякий случай думают, что плохое. Учителя тоже не любят молчаливков, потому что хотя они и тихо сидят на уроке, зато у доски каждое слово приходится вытягивать из них клещами». Одним словом, Коста был загадкой для класса. И однажды учительница Евгения Ивановна, чтобы понять мальчика, решила проследить за ним. Сразу после школы Коста пошел гулять с огненно-рыжим сеттером, хозяином которого был пожилой человек на костылях; потом побежал к дому, где на балконе его ждал брошенный уехавшими хозяевами боксер; затем к больному мальчику и его

таксе – «черной головешке на четырех ножках». В конце дня Коста пошел за город, на пляж, где жил одинокий старый пес, верно ждавший своего погибшего хозяина-рыбака. Домой уставший Коста вернулся поздно, а ведь ему еще уроки надо делать! Узнав тайну своего ученика, Евгения Ивановна посмотрела на него по-другому: в ее глазах Коста стал не просто вечно зевающим на уроках мальчишкой, а человеком, помогающим беспомощным животным и больным людям.

В этом небольшом произведении заключена тайна отношения Ю. Яковлева к своим героям-детям. Писателя волнует, *что* же позволяет маленькому человеку раскрыться, «распуститься», подобно багульнику. Как неожиданно зацветает багульник, так же с неожиданной стороны раскрываются и герои Ю. Яковлева. А часто бывает у него так, что новое открывает в себе и сам герой. Такой «распустившейся веточкой багульника» можно назвать «рыцаря Васю», героя одноименного рассказа.

В тайне ото всех Вася мечтал стать рыцарем: сражаться с драконами и освобождать прекрасных принцесс, совершать подвиги. Но оказалось, для того чтобы совершить благородный поступок, не нужны блестящие латы. Однажды зимой Вася спас маленького мальчика, тонувшего в проруби. Спас, но скромно промолчал об этом. Его слава незаслуженно досталась другому школьнику, который просто отвел промокшего и испуганного малыша домой. О по-настоящему ры-

царском поступке Васи не узнал никто. Эта несправедливость вызывает у читателя чувство обиды и заставляет посмотреть вокруг: может быть, такое бывает не только в книгах, может, происходит где-то рядом с тобой?

В литературе часто один поступок может раскрыть характер героя, по нему можно судить, положительный персонаж его совершил или отрицательный. В рассказе «Баваклава» Леня Шаров забыл купить бабушке глазные капли. Он часто забывал о бабушкиных просьбах, забывал сказать ей «спасибо»... Забывал, пока бабушка, которую он называл Баваклава, была жива. Она всегда была рядом, и потому забота о ней казалась ненужной, несущественной – подумаешь, потом сделаю! Все изменилось после ее смерти. Тогда вдруг очень важным для мальчика оказалось принести из аптеки уже никому не нужное лекарство.

Но можно ли с самого начала однозначно сказать, что Леня – персонаж отрицательный? Часто ли мы в реальной жизни внимательны к своим близким? Мальчик думал, что окружающий мир будет неизменен всегда: мама с папой, бабушка, школа. Смерть нарушила привычный для героя ход вещей. «Всю жизнь он обвинял других: родителей, учителей, товарищей... Но больше всех доставалось Баваклаве. Прикрикивал на нее, грубил. Надувался, ходил недовольным. Сегодня он впервые взглянул на себя... другими глазами. Какой он, оказывается, черствый, грубый, невнимательный!» Жалко, что иногда сознание собственной вины при-

ходит слишком поздно.

Ю. Яковлев призывает быть более чутким к своим родным, друзьям, а ошибки совершают все, вопрос только в том, какие уроки мы из них извлекаем.

Непривычная ситуация, новое, незнакомое чувство может заставить человека не просто раскрыть неожиданные стороны своего характера, но и заставить измениться, преодолеть свои страхи и свою застенчивость.

Рассказ «Письмо Марине» о том, как же трудно, оказывается, признаться в своих чувствах девочке, которая нравится! Кажется, откровенно написать все не сказанное при встрече легко. Как начать обещанное письмо: «дорогая», «милая», «самая лучшая»?.. Столько мыслей, воспоминаний, но... вместо длинного интересного рассказа выходят лишь несколько общих фраз об отдыхе и лете. Но и они значительны для Кости – это первый трудный шаг к общению с девочкой в новой для него ситуации.

Еще труднее проводить девочку домой, преодолев свою застенчивость. Гораздо проще оказалось Киру забраться на скользкую крышу высокого дома и узнать, как же выглядит понравившийся Айне загадочный флюгер («Всадник, скачущий над городом»).

Ю. Яковлева всегда интересовала пора детства, когда, по его словам, «решается участь будущего человека... В детях я всегда стараюсь разглядеть завтрашнего взрослого. Но и взрослый человек для меня начинается с детства».

С уже выросшими героями Ю. Яковлева мы знакомимся в рассказе «Бамбус». Сначала мы видим персонаж будто приключенческого романа, который живет «на краю света, в избушке на курьих ножках», курит трубку и работает предсказателем землетрясений. Приехав в город своего детства, Бамбус разыскивает учеников своего класса: Коржика, который теперь стал майором, Валюсю – врача, Чевочку – директора школы и учительницу Певицу Тра-ля-ля. Но не только для того приехал загадочный Бамбус, чтобы увидеть своих повзрослевших друзей, главная его цель – попросить прощение за давнюю шалость. Оказывается, когда-то, учась в пятом классе, этот Бамбус выстрелил из рогатки и попал в глаз учительнице пения.

Слетел ореол романтики – остался пожилой уставший человек и его злая выходка. Много лет его мучило чувство вины, и приехал он потому, что нет судьи страшнее, чем собственная совесть и нет срока давности у некрасивых поступков.

Не бывает срока давности и у правды. Герой рассказа «А Воробьев стекло не выбивал» Сёмин пытается восстановить справедливость – выяснить, кто разбил стекло в кабинете директора. В хулиганском поступке по привычке обвинили Воробьева. «Если собрать все стекла, разбитые за недолгий век Воробьевым, то их хватит, чтобы застеклить целый дом». Сёмин же знал, что Воробьев в тот день прогуливал школу и выбить стекло не мог. Он не выдал одноклассника, а стал все

свои ответы начинать одной и той же фразой: «А Воробьев стекло не выбивал». Несправедливость, обвинение невинов-ного заставила мальчика упорно искать правды. И учителя, и одноклассники за долгое время школьной учебы стали вос-принимать слова Сёмина как чудачество, шутку. Несмотря на это, он в конце концов добился своего: настоящий хули-ган признался на выпускном вечере.

Значительное место в творчестве Ю. Яковлева занимает тема войны. Для пережившего ее писателя важно, чтобы де-ти, родившиеся после салюта Победы, почувствовали себя продолжателями отцовских дел и отцовских подвигов и не забывали павших за Родину.

В маленьком рассказе «Девочки с Васильевского остро-ва» переплетается история и современность. У Тани Савиче-вой и Вали Зайцевой много общего: и школа, и улица на Ва-сильевском острове Ленинграда. Только первая жила здесь во время почти девятисотдневной блокады Ленинграда, в 1941–1944 годах, а вторая – позже, когда о войне осталась только память. Несмотря на это различие, Валя считает Та-ню своей подругой, хочет, чтобы о ней помнили, и потому на Дороге жизни – так называлась единственная трасса, связы-вающая осажденный Ленинград со страной, – помогает воз-ведению памятника. Валя пишет на нем строки из дневника своей подруги: «Умерли все. Осталась одна Таня». За этими скудными строками умирающей маленькой девочки раскры-вается трагедия всего блокадного города, всех его жителей.

В 1941 году Таня Савичева вместе с семьей осталась в окруженном немцами Ленинграде. Однажды сестра Нина не вернулась с рабочей смены, и мама отдала Тане на память ее записную книжку. С тех пор девочка стала вести дневник. В нем всего семь страшных записей – семь дат гибели Таниной семьи. Саму Таню, потерявшую сознание от голода, эвакуировали из города, но спасти ее не удалось. После освобождения Ленинграда ее дневник нашли под завалами разрушенного дома. Таня умерла, но эта маленькая записная книжка была предъявлена на Нюрнбергском процессе в качестве документа, обвинявшего фашизм.

Не допускает автор мысли, что можно забыть не только жестокость войны, но – и это главное! – людей, которые жили в то время, их героизм, их способность оставаться людьми даже в самое страшное время. Тогда проявлялись их настоящие характеры. В обычной жизни нам тоже приходится решать сложные задачи, но на войне часто нельзя отсрочить решение, «переиграть». Здесь выбор, сделанный единожды, заставляет идти до конца. Так в рассказе «Учитель истории» Учитель выбрал смерть вместе со своими маленькими воспитанниками, а не малодушное бегство. Он был уверен, что должен оставаться рядом с детьми, если нет возможности спасти их.

«Дети, – сказал Учитель, – я учил вас истории. Я рассказывал вам, как умирали за Родину настоящие люди. Теперь пришел наш черед. Не плачьте! Поднимите голову выше!

Идемте! Начинается ваш последний урок истории».

У каждого из героев Ю. Яковлева своя судьба. В мирной и в военной жизни – во всякое время есть место своим героям и своим подвигам. И Учитель истории, и Таня Савичева, и Баваклава должны остаться в памяти людей. Юный Леня Шаров решает для себя: «Она [бабушка] умрет, когда ее забудут, но пока хоть одно сердце помнит ее, она жива».

«Нет на свете ничего страшнее забвения. Забвение – ржавчина памяти, и она разъедает самое дорогое», – повторяет свою мысль Ю. Яковлев. Одно из произведений он так и назвал – «Память». Рассказ-воспоминание, рассказ-памятник маленькой Лиде Демеш, тринадцатилетней партизанке, прятавшей мины под своей кроватью. Во время одной из подрывных операций она попала в засаду и была расстреляна. «Передайте маме, что меня ведут на расстрел!» – были ее последние слова.

Лида Демеш – не выдуманный персонаж. Такая девочка действительно была, а писатель лишь продлил ее жизнь в своем рассказе.

Память – та ниша, где хранятся воспоминания о людях и поступках прошлого. «Я хочу своим творчеством сегодня повлиять на завтрашнего взрослого человека. Сделать его благороднее, чище, добрее, отзывчивее к людям. Я стараюсь представить себе детство людей, которые завтра совершат подвиг во имя человека» – так сформулировал Ю. Яковлев цель своего творчества в одном из интервью. Его писатель-

ский талант связывает прошлое и настоящее, заставляя читателей задуматься, сопереживать героям рассказов и повестей. Всем строем своих произведений он как бы говорит нам: смотри, читатель, сколько прекрасного вокруг, сколько настоящих героев жило и живет под одним с тобой небом. Следуй за ними, будь, как они, честным, отважным, верь в себя и не падай духом в трудную минуту.

Багульник

Он вызывающе зевал на уроках: зажимал глаза, отвратительно морщил нос и открывал пасть – другого слова тут не подберешь! При этом он подвывал, что вообще не лезло ни в какие ворота. Потом энергично тряс головой – разгонял

сон – и уставлялся на доску. А через несколько минут снова зевал.

– Почему ты зеваешь?! – раздраженно спрашивала Желчка.

Она была уверена, что он зевает от скуки. Расспрашивать его было бесполезно: он был молчальником. Зевал же потому, что всегда хотел спать.

Он принес в класс пучок тонких прутиков и поставил их в банку с водой. И все посмеивались над прутиками, и кто-то даже пытался подмести ими пол, как веником. Он отнял и снова поставил в воду. Он каждый день менял воду. И Желчка посмеивалась.

Но однажды веник зацвел. Прутики покрылись маленькими светло-лиловыми цветами, похожими на фиалки. Из набухших почек-узелков прорезались листья, светло-зеленые, ложечкой. А за окном еще поблескивали кристаллики уходящего последнего снега.

Все толпились у окна. Разглядывали. Старались уловить тонкий сладковатый аромат. И шумно дышали. И спрашивали, что за растение, почему оно цветет.

– Багульник! – буркнул он и пошел прочь.

Люди недоверчиво относятся к молчальникам. Никто не знает, что у них, молчальников, на уме: плохое или хорошее. На всякий случай думают, что плохое. Учителя тоже не любят молчальников, потому что хотя они и тихо сидят на уроке, зато у доски каждое слово приходится вытягивать из них

клещами.

Когда багульник зацвел, все забыли, что Коста молчальник. Подумали, что он волшебник.

И Женечка стала присматриваться к нему с нескрываемым любопытством.

Женечкой за глаза звали Евгению Ивановну. Маленькая, худая, слегка косящая, волосы – конским хвостиком, воротник – хомутиком, каблуки с подковками. На улице ее никто не принял бы за учительницу. Вот побежала через дорогу. Застучали подковки. Хвостик развевается на ветру. Остановись, лошадка! Не слышит, бежит... И долго еще не затихает стук подковок...

Женечка обратила внимание, что каждый раз, когда раздавался звонок с последнего урока, Коста вскакивал с места и сломя голову выбегал из класса. С грохотом скатывался с лестницы, хватал пальто и, на ходу попадая в рукава, скрывался за дверь. Куда он мчался?

Его видели на улице с собакой, огненно-рыжей. Очёсы длинной шелковистой шерсти колыхались языками пламени. Но через некоторое время его встречали с другой собакой: под короткой шерстью тигрового окраса перекачивались мускулы бойца. А позднее он вел на поводке черную головешку на маленьких кривых ногах. Головешка не вся обуглилась: над глазами и на груди теплились коричневые подпалины.

Чего только не говорили про Косту ребята!

– У него ирландский сеттер, – утверждали они. – Он охотится на уток.

– Ерунда! У него самый настоящий боксер. С такими ходят на диких быков. Мертвая хватка! – говорили другие.

Третьи смеялись:

– Не можете отличить таксы от боксера!

Были еще такие, которые спорили со всеми:

– Он держит трех собак!

На самом деле у него не было ни одной собаки.

А сеттер? А боксер? А такса?

Ирландский сеттер горел костром. Боксер, как перед боем, играл мышцами. Такса чернела обгоревшей головешкой.

Что это были за собаки и какое отношение они имели к Косте, не знали даже его родители. В доме собак не было и не предвиделось. Когда родители возвращались с работы, они заставляли сына за столом: он поскрипывал перышком или бормотал под нос глаголы. Так он сидел запоздно. При чем здесь сеттеры, боксеры, таксы?

Коста же появлялся дома за пятнадцать минут до прихода родителей и едва успевал отчистить штаны от собачьей шерсти.

Впрочем, кроме трех собак была еще и четвертая. Огромная, головастая, из тех, что спасают людей, застигнутых в горах снежными лавинами. Из-под длинной свалывшейся шерсти проступали худые, острые лопатки, большие впалые глаза смотрели печально, тяжелые львиные лапы – ударом такой

лапы можно сбить любую собаку – ступали медленно, устало.

С этой собакой Косту никто не видел.

Звонок с последнего урока – сигнальная ракета. Она звала Косту в его загадочную жизнь, о которой никто не имел представления. И как зорко ни следила за ним Женечка, стоило ей на мгновение отвести глаза, как Коста исчезал, выскальзывал из рук, улетучивался.

Однажды Женечка не выдержала и бросилась вдогонку. Она вылетела из класса, застучала подковками по лестничным ступеням и увидела его в тот момент, когда он несясь к выходу. Она выскользнула в дверь и устремилась за ним на улицу. Прячась за спины прохожих, она бежала, стараясь не стучать подковками, а конский хвост развевался на ветру.

Она превратилась в следопыта.

Коста добежал до своего дома – он жил в зеленом облупившемся доме, – исчез в подъезде и минут через пять появился снова. За это время он успел бросить портфель, не раздеваясь проглотить холодный обед, набить карманы хлебом и остатками обеда.

Женечка поджидала его за выступом зеленого дома. Он пронесся мимо нее. Она поспешила за ним. И прохожим не приходило в голову, что бегущая, слегка косящая девушка не Женечка, а Евгения Ивановна.

Коста нырнул в кривой переулок и скрылся в парадном. Он позвонил в дверь. И сразу послышалось какое-то странное подвывание и царапанье сильной когтистой лапы. Потом

завывание перешло в нетерпеливый лай, а царапанье – в барабанную дробь.

– Тише, Артюша, подожди! – крикнул Коста.

Дверь отворилась, и огненно-рыжий пес бросился на Косту, положил передние лапы на плечи мальчику и стал лизать длинным розовым языком нос, глаза, подбородок.

– Артюша, перестань!

Куда там! На лестнице послышался лай и грохот, и оба – мальчик и собака – с невероятной скоростью устремились вниз. Они чуть не сбили с ног Женечку, которая едва успела прижаться к перилам. Ни тот ни другой не обратили на нее внимания. Артюша кружился по двору. Припадал на передние лапы, а задние подбрасывал, как козленок, словно хотел сбить пламя. При этом лаял, подскакивал и все норовил лизнуть Косту в щеку или в нос. Так они бегали, догоняя друг друга. А потом нехотя шли домой.

Их встречал худой человек с костылем. Собака терлась об его единственную ногу. Длинные мягкие уши сеттера напоминали уши зимней шапки, только не было завязочек.

– Вот, погуляли. До завтра, – сказал Коста.

– Спасибо. До завтра.

Артюша скрылся, и на лестнице стало темнее, словно погасили костер.

Теперь пришлось бежать три квартала. До двухэтажного дома с балконом, который находился в глубине двора. На балконе стоял пес боксер. Скуластый, с коротким, обрублен-

ным хвостом, он стоял на задних лапах, а передние положил на перила.

Боксер не сводил глаз с ворот. И когда появился Коста, глаза собаки загорелись темной радостью.

– Атилла! – крикнул Коста, вбегая во двор.

Боксер тихо взвизгнул. От счастья.

Коста подбежал к сараю, взял лестницу и потащил ее к балкону. Лестница была тяжелой. Мальчику стоило больших трудов поднять ее. И Женечка еле сдержалась, чтобы не кинуться ему на помощь. Когда Коста наконец приставил лестницу к перилам балкона, боксер спустился по ней на землю. Он стал тереться о штаны мальчика. При этом поджимал лапу. У него болела лапа.

Коста достал припасы, завернутые в газету. Боксер был голоден. Он ел жадно, но при этом посматривал на Косту, и в его глазах накопилось столько невысказанных чувств, что казалось, он сейчас заговорит.

Когда собачий обед кончился, Коста похлопал пса по спине, прицепил к ошейнику поводок, и они отправились на прогулку. Отвисшие углы большого черногубого рта собаки вздрагивали от пружинистых шагов. Иногда боксер поджимал больную лапу.

Женечка слышала, как дворничиха им вслед сказала:

– Выставили собаку на балкон и уехали. А она хоть помирай с голоду! Вот ведь люди!..

Когда Коста уходил, боксер провожал его глазами, полны-

ми преданности. Его морда была в темных морщинах, лоб пересекала глубокая складка. Он молча шевелил обрубком хвоста.

Женечке вдруг захотелось остаться с этой собакой. Но Коста спешил дальше.

В соседнем доме на первом этаже болел парнишка: был прикован к постели. Это у него была такса – черная головешка на четырех ножках. Женечка стояла под окнами и слышала разговор Косты и больного мальчика.

– Она тебя ждет, – говорил больной.

– Ты болей, не волнуйся, – слышался голос Косты.

– Я болею... не волнуюсь, – отвечал больной. – Может быть, я отдам тебе велосипед, если не смогу кататься.

– Мне не надо велосипеда.

– Мать хочет продать Лаптя. Ей утром некогда с ним гулять.

– Приду утром, – после некоторого раздумья отвечал Коста. – Только очень рано, до школы.

– Тебе не попадет дома?

– Ничего... тяну... на тройки... Только спать хочется: поздно уроки делаю.

– Если я выкарабкаюсь, мы вместе погуляем.

– Выкарабкивайся.

– Ты куришь? – спрашивал больной.

– Некурящий, – отвечал Коста.

– И я некурящий.

— Ну, мы пошли... Ты болей... не волнуйся. Пошли, Лапоть!

Таксу звали Лаптем. Коста вышел, держа собаку под мышкой. И вскоре они уже шагали по тротуару. Рядом с сапогами, ботинками, туфлями на кривых ножках семенил черный Лапоть.

Женечка шла за таксой. И ей казалось, что это пламенно-рыжая собака обгорела и превратилась в такую головешку. Ей захотелось заговорить с Костой. Расспросить его о собаках, которых он кормил, выгуливал, поддерживал в них веру в человека. Но она молча шла по следам своего ученика, который отвратительно зевал на уроках и слыл молчальником. Теперь он менялся в ее глазах, как веточка багульника.

Но вот Лапоть отгулял и вернулся домой. Коста двинулся дальше, и его невидимая спутница — Женечка — снова пряталась за спины прохожих. Дома уменьшились ростом. А спин стало совсем мало. Город кончался. Начались дюны. Женечке трудно было идти на каблуках по вязкому песку и корявым корням сосен. В конце концов она сломала каблук.

И тут показалось море.

Оно было мелким и плоским. Волны не обрушивались на низкий берег, а тихо и неторопливо напозлали на песок и так же медленно и беззвучно откатывались, оставляя на песке белую каемку пены. Море выглядело сонным и вялым, неспособным к бурям и штормам.

Но бури на нем бывали. Далеко от дюн, за линией гори-

зонта.

Коста шел по берегу, наклоняясь вперед – против ветра. Женечка сняла туфли: босиком было идти легче, но холодный влажный песок обжигал ступни. На берегу сохли развешанные на кольях сети с круглыми поплавками из бутылочного стекла, лежали лодки, перевернутые вверх килем.

Неожиданно вдалеке, на самой кромке берега, возникла собака. Она стояла неподвижно, в странном оцепенении. Большеголовая, с острыми лопатками, с опущенным хвостом. Ее взгляд был устремлен в море. Она ждала кого-то с моря.

Коста подошел к собаке, но она даже не повернула головы, словно не слышала его шагов. Он провел рукой по свалывшейся шерсти. Собака едва заметно шевельнула хвостом. Мальчик присел на корточки и разложил перед собакой хлеб и остатки своего обеда, завернутого в газету. Собака не ожидалась, не выказала никакого интереса к пище. Коста стал ее поглаживать и уговаривать:

– Ну поешь... Ну поешь немного...

Собака посмотрела на него большими впалыми глазами и снова обратила взгляд к морю.

Женечка притаилась за развешанными сетями, словно попалась, запуталась в них и не могла вырваться, чтобы тоже гладить собаку и говорить: «Ну поешь... Ну поешь хоть немного!»

Коста взял кусок хлеба и поднес ко рту собаки. Та вздох-

нула глубоко и громко, как человек, и принялась медленно жевать хлеб. Она ела безо всякого интереса, как будто была сыта или привыкла к лучшей пище, чем хлеб, холодная каша и кусок жилистого мяса из супа... Она ела для того, чтобы не умереть. Ей нужно было жить. Она ждала кого-то с моря.

Когда все было съедено, Коста сказал:

– Идем. Погуляем.

Собака снова посмотрела на мальчика и послушно зашагала рядом. У нее были тяжелые лапы и неторопливая, полная достоинства львиная походка. Следы заполнялись водой.

В море переливались нефтяные разводы. Будто где-то за горизонтом произошла катастрофа, рухнула радуга и ее обломки прибило к берегу.

Мальчик и собака шли не спеша, а Женечка – следопыт Женечка – слышала, как Коста говорил собаке:

– Ты хороший... Ты верный... Пойдем со мной. Он никогда не вернется. Он погиб. Честное пионерское.

Собака молчала. Она и не должна была говорить. Она не отрывала глаз от моря. И в который раз не верила Косте. Ждала.

– Что же мне с тобой делать? – спросил мальчик. – Нельзя же жить одной на берегу моря. Когда-нибудь надо уйти.

Рыбацкая сеть кончилась. И Женечка как бы выпуталась из сетей. Коста оглянулся и увидел учительницу. Она стояла на песке босая, а туфли держала под мышкой. И сквозняк, тянувший с моря, развеивал ее волосы, собранные в конский хвост.

– Что же с ней делать? – растерянно спросила она Косту.

– Она не пойдет. Я знаю, – сказал мальчик. Он почему-то не удивился появлению учительницы. – Она никогда не по-

верит, что хозяин погиб...

Женечка подошла к собаке. Собака глухо зарычала, но не залаяла, не бросилась на нее.

– Я ей сделал дом из старой лодки. Подкармливаю. Она очень тощая... Сперва укусила меня.

– Укусила?

– Руку. Теперь все зажило. Я йодом смазывал.

Пройдя еще несколько шагов, он сказал:

– Собаки всегда ждут. Даже погибших... Им надо помогать.

Море потускнело и стало как бы меньше размером. Погасшее небо плотнее прижалось к сонным волнам. Коста и Женечка проводили собаку до ее бессменного поста, где неподалеку от воды лежала перевернутая лодка, подпертая чурбаком, чтобы под нее можно было забраться. Собака подошла к воде. Села на песок. И снова застыла в своем вечном ожидании...

Обратно учительница и ученик шли быстро, но, когда берег кончился, за дюнами Женечка остановилась и сказала:

– Я не могу так быстро. У меня каблук сломался.

– Мне надо бы поспеть до их прихода, – отозвался Коста.

– Тогда иди.

Коста внимательно посмотрел на Женечку и спросил:

– А как же вы?

– Я дойду не спеша.

– Может быть, вбить гвоздь? У вас есть гвоздь?

– Не знаю. – Женечка протянула ему туфлю.

Он покрутил каблук, как зуб, который шатается. И постучал камнем.

– Вот.

– Теперь лучше, – сказала Женечка, надевая туфлю.

Но шла она прихрамывая, наступая на носок, чтобы каблук держался.

На другой день в конце последнего урока Коста уснул. Он зевал, зевал, но потом уронил голову на согнутый локоть и уснул. Сперва никто не замечал, что он спит. Потом кто-то захихикал.

И Женечка увидела, что он спит.

– Тихо, – сказала она. – Совсем тихо!

Когда она хотела, все было как полагается. Тихо так тихо.

– Вы знаете, почему он уснул? – шепотом произнесла Евгения Ивановна. – Я вам расскажу... Он гуляет с чужими собаками. Кормит их. Собаки всегда ждут. Даже погибших... Им надо помогать.

Зазвенел звонок с последнего урока. Он звенел громко и протяжно. Но Коста не слышал звонка. Он спал.

Евгения Ивановна – Женечка – склонилась над спящим мальчиком, положила руку ему на плечо и легонько потрясла. Он вздрогнул и открыл глаза.

– Звонок с последнего урока, – сказала Женечка, – тебе пора.

Коста вскочил. Схватил портфель. И в следующее мгновение скрылся за дверью.

Рыцарь Вася

Друзья звали его тюфяком. За его медлительность, неповоротливость и неловкость. Если в классе писали кон-

трольную работу, то ему всегда не хватало времени: он раскачивался только к концу урока. Если он пил чай, то на столе вокруг его блюда образовывалась большая чайная лужа. Он ходил вразвалку и обязательно задевал за край стола или сбивал стул. И новые ботинки за неделю стаптывал так, словно вместе с Суворовым совершал в них переход через Альпы. Вид у него был сонный, будто он только что проснулся или собирался уснуть. У него все валилось из рук, все не ладилось. Одним словом, тюфяк.

Куртка в обтяжку, штаны плотно облегли ноги. На толстом лице выделялись три бугорка: два – над глазами, у начала бровей, а третий – между носом и верхней губой. Когда он напрягался или приходил с мороза, эти бугорки краснели в первую очередь.

Все считали, что причина его полноты – обжорство: с чего еще он такой толстый? Но на самом деле ел он мало. Не любил есть. Терпеть не мог это занятие.

То, что он тюфяк, было написано у него на лице, угадывалось в его медленных, вялых движениях, звучало в глуховатом голосе. Никто не догадывался, что скрывается под этой некрасивой толстой оболочкой.

А в его груди билось благородное сердце рыцаря. В заветных мечтах он видел себя закованным в блестящие стальные доспехи, в шлеме с опущенным забралом, на белом коне с раздувающимися ноздрями. В таком виде он мчался по свету и совершал множество подвигов, защищая слабых и оби-

женных. Он был безымянным рыцарем. Потому что у рыцарей обычно были звучные иностранные имена – Ричард, или Родриго, или Айвенго. Его же звали просто Вася, и это имя не подходило для рыцаря.

В мечтах из толстого и косолапого он превращался в стройного и гибкого, а в движениях появлялись ловкость и сноровка. Все его недостатки мгновенно пропадали под блистательными доспехами.

Но стоило ему подойти к зеркалу, как все возвращалось на место. И перед ним вместо прекрасного рыцаря снова возникал мешковатый мальчик с круглым толстым лицом, на котором краснели три бугорка.

В эти минуты он ненавидел себя за неподходящую для рыцаря внешность.

Кроме насмешливого зеркала к действительности его возвращала мама. Услышав из кухни его шаги, от которых жалобно звенели стаканы, мама кричала:

– Осторожно! Слон в фарфоровой лавке!

Разве так обращаются с благородным рыцарем?

Он пробовал было поделиться мечтами с приятелем, но не встретил у него поддержки.

Услышав о доспехах, приятель покривился и сказал:

– На такого толстого никакие доспехи не налезут.

Друг и не подозревал, что ранил Васю в самое сердце.

В свободное время он бегал в музей. Здесь в просторных залах висели большие картины в тяжелых золотых рамах, а

по углам стояли статуи из пожелтевшего мрамора. Он хладнокровно проходил мимо полотен великих мастеров, словно это были примелькавшиеся плакаты, и направлялся к заветному залу. В этом зале не было никаких картин. Здесь на стенах висели мечи и копья, а на полу стояли рыцари, закованные в латы.

Тайком от дежурной старушки он трогал холодную сталь доспехов и пробовал на палец, хорошо ли заточены мечи. Он медленно переходил от черного рыцаря к золотому, от золотого – к серебряному. К одним рыцарям он относился по-дружески, к другим – со сдержанным холодком. Он кивал им головой и мысленно справлялся, как прошел очередной турнир. Ему казалось, что рыцари следят за ним сквозь смотровые щели опущенных забрал и никто из них не смеется и не называет его тюфяком.

Почему природа перепутала и вложила гордое сердце Дон Кихота в толстую, неуклюжую оболочку Санчо Пансы?

Он мечтал о подвигах, а жизнь его проходила однообразно и буднично. Каждое утро он нехотя свешивал ноги с постели и, подгоняемый маминым окриком: «Поторапливайся, а то опоздаешь!» – натягивал на себя штаны и рубаху. Потом он плелся к умывальнику, мочил нос – «И это называется вымылся?!» – и нехотя садился к столу. Поковыряв ложкой кашу, – «Не усни над тарелкой!» – он вставал и шел в школу. Он с грохотом скатывался с одной ступеньки на другую, и во всех квартирах знали, кто спускается по лестнице. В классе

он появлялся после второго звонка. Бросал тяжелый портфель и протискивался на скамью, сдвигая с места парту.

Все это он проделывал с невозмутимым спокойствием человека, привыкшего к однообразному ходу жизни и не ждущего никаких неожиданностей.

На уроках он не болтал, так как вообще не отличался разговорчивостью, но это не мешало учителям постоянно делать ему замечания:

– Рыбаков, о чем ты мечтаешь?

– Рыбаков, повтори, что я сказала.

– Рыбаков, выйди к доске и объясни решение задачи.

Он плелся к доске, задевая ногой парты, и долго сжимал в пальцах мел, словно хотел из него что-то выжать. Решая задачу, он так сопел, словно в руке у него был не мелок, а тяжелый камень, который он без конца опускал и поднимал. Он думал так медленно и тяжело, что у учительницы лопалось терпение, и она отправляла его на место.

Он садился, и парта мгновенно превращалась в боевого коня, а пухлые короткие пальцы сами начинали рисовать мечи и доспехи.

На уроках физкультуры он был предметом общих насмешек. Когда ему предлагали пройти по буму¹, ребята уже заранее начинали хихикать. Он делал несколько трудных шагов, потом вдруг терял равновесие, беспомощно хватался руками за воздух и наконец с грохотом спрыгивал на пол. Че-

¹ Бум – гимнастический снаряд, деревянный брус на двух стойках.

рез коня ему тоже не удавалось перепрыгнуть. Он застревал на черной кожаной спине и некоторое время восседал, как всадник в седле. Ребята смеялись, а он неуклюже сползал на животе на пол и шел в строй.

Ему не везло буквально во всем. Даже на школьном утреннике, где он читал стихотворение «Человек сказал Днепру», тоже вышло недоразумение. Он готовился целую неделю. Особенно хорошо у него получались заключительные строки. Он набирал побольше воздуха и с выражением произносил:

Чтоб на улице и дома
Было вечером светло!

Когда он вышел на сцену, все «выражение» сразу пропало. Он заторопился, чтобы поскорее добраться до конца. Но именно в конце его подстерегала неприятность. Он вдруг заволновался, задержал плечом и прочитал:

Чтоб на улице и дома
Было вечером темно!

Зал засмеялся. Он вздохнул и тяжело спрыгнул со сцены. Он привык к судьбе неудачника. Обычно неудачники сердятся на других, а он сердился на самого себя. Он давал себе слово измениться и начать новую жизнь. Старался быстрее двигаться, говорить почти криком и ни в чем не отставать

от ребят. Но из этого ничего хорошего не выходило. Дома со стола летели чашки, в классе проливались чернила, а от резких движений его куртка лопалась где-нибудь под мышкой.

Трудно провести границу между осенью и зимой. Бывает так, что еще не опали листья, а на землю ложится первый слабый снег. А иногда ночью подморозит, и река к утру покроется льдом. Этот лед, зеркальный и тонкий, манит к себе, и тогда радио предупреждает ребят, что ходить по льду опасно.

Но не все ребята слушаются радио. И вот на льду появляются первые смельчаки. Лед прогибается и предупреждающе трещит, но они верят, что родились под счастливой звездой. А счастливая звезда иногда подводит.

Внимание тюфяка привлекли крики, которые долетали с реки. Он ускорил шаг и, запыхавшись, вышел на берег.

Там он увидел Димку Ковалева, который размахивал руками и кричал:

– Тонет! Тонет!

– Кто тонет? – не спеша спросил тюфяк.

– Не видишь, что ли? – огрызнулся Димка. – Пацан тонет. Под лед провалился. Что стоишь?!

Другой бы тут же спросил самого Димку Ковалева: «Что же ты не поможешь ему?» Но он был тюфяком и не догадался этого сделать. Он посмотрел на замерзшую реку и заметил маленького первоклашку, который был по пояс в воде и

только руками цеплялся за край льда.

Тюфяк был толще и тяжелее Димки, но он шагнул на лед. Лед слегка прогнулся, но не треснул. Вероятно, у берега он был крепче.

Димка Ковалев оживился. Он снова стал махать руками и кричать:

– Заходи справа!.. Осторожно!.. Не топай ножищами, а то сам...

Он кричал для того, чтобы заглушить свой страх.

А тюфяк шагал по льду. Он не слышал криков. Он видел только насмерть перепуганного малыша, который не мог выговорить и слова.

Около полыньи на льду образовалась лужа. Он дошел до края и, не раздумывая, выставил одну ногу вперед. Ботинок сразу зачерпнул воду. Где-то в глубине души он понимал, что сейчас лед может треснуть и он окажется в воде вместе с посиневшим пацаном. Но это не остановило его. Он переставил вторую ногу – и очутился по щиколотку в воде.

Теперь Ковалев уже не кричал и не размахивал руками, а напряженно выжидал, что будет дальше. Он видел, как тюфяк схватил малыша за руку, как стал обламываться лед.

Наконец первоклассник очутился на льду. Он шел, вцепившись окоченевшими руками в своего спасителя. Зубы его стучали, а по лицу текли слезы.

Когда они вышли на берег, Ковалев оживился.

– Ты ноги промочил, – сказал он товарищу, – беги домой,

а пацана я сам доведу.

Тюфяк посмотрел на спасенного им парня, перевел взгляд на мокрые ботинки и сказал:

– Валяй!

Ковалев схватил за руку мокрого, перепуганного мальчишку и куда-то потащил его.

Тюфяк поплелся домой. Его переживания быстро притупила усталость. И теперь оставались только промокшие ноги и легкий озноб.

Дома он с трудом стянул с себя ботинки. Из них полилась вода.

– Что это? – спросила мама, недовольно глядя на перепачканный паркет.

– Промочил ноги, – растягивая слова, ответил мальчик.

– Где это тебя угораздило? – Мама пожала плечами и пошла за тряпкой.

Он хотел было рассказать маме, как было дело, но его начало клонить ко сну и одолевала зевота, и даже в теплой комнате не проходил озноб. Он не стал ничего объяснять, лег на диван и зажмурил глаза.

Неожиданно он подумал, что если бы на нем были тяжелые рыцарские доспехи, то лед сразу бы проломился и он не сумел бы спасти пацана.

Он быстро уснул.

На другой день, когда после второго звонка он вошел в

класс, там никого не было. Оказывается, все ушли наверх, в актовый зал, на общую линейку. Он бросил портфель на парту и поплелся на четвертый этаж.

Когда он вошел в зал, все уже построились большой буквой «П». Он протиснулся между ребятами и стал в заднем ряду.

В это время заговорил директор школы. Он сказал, что вчера на реке ученик Дима Ковалев спас первоклассника, провалившегося под лед, и что он, директор, восторгается смелым поступком ученика.

Потом выступала старшая вожатая. Она говорила о пионерском долге, о чести красного галстука и наконец зачитала письмо матери провалившегося пацана, в котором Димка назывался спасителем ее сына.

Стиснутый со всех сторон ребятами, тюфяк стоял у стенки и слушал, как все хвалят Димку Ковалева. В какую-то минуту ему хотелось сказать, что Димка врет: никого он не спасал, а просто махал руками и кричал. Но от одной мысли привлечь к себе внимание ему стало стыдно, и все три бу горка покраснели.

В конце концов он и сам поверил, что Димка – герой вчерашнего происшествия, ведь он первым заметил тонущего. И когда все захлопали Димке, тюфяк захлопал тоже.

Линейка кончилась. Ребятам велели расходиться по классам. И тюфяк, подталкиваемый товарищами, поплелся обратно на второй этаж.

Он с трудом протиснулся за парту – сдвинул ее с места, – а когда начался урок, взял в короткие пухлые пальцы тоненькую ручку и в тетрадке по арифметике стал рисовать рыцаря. Этот рыцарь был фиолетового цвета, как школьные чернила.

Собирающий облака

Если твоя фамилия Малявкин и товарищи зовут тебя Малявкой, это еще можно пережить. Тем более что зовут тебя так не со зла, а просто фамилия у тебя неудачная. С такой

фамилией самого лучшего человека на свете будут звать Малявкой. И отца твоего тоже в детстве величали этим потешным и немного обидным именем. Говорят, что даже дедушку в незапамятные времена звали Малявкой. Ну и что из этого!

Вот если тебя к тому же считают конченным человеком и если рядом с твоей неудачной фамилией поставили большой жирный минус, тогда плохи твои дела.

Когда он приносил домой четверку, отец пожимал плечами и говорил:

– Это тебе повезло.

А когда в дневнике появлялось замечание, отец усмехался:

– Очень приятно! Чего еще от тебя ожидать!

– Так я не виноват... – пробовал было возразить Малявкин-сын.

– Ты всегда не виноват! – обрубал Малявкин-отец.

Он не желал выслушивать никаких объяснений. Он даже не ругал сына: что попусту тратить слова. Поворачивался и уходил.

От обиды лицо мальчика покрывалось красными пятнами, а к горлу подступал комок. Ему казалось, что он провалился в прорубь, хочет выкарабкаться на льдину, но руки скользят... И никто не желает помочь ему...

Этот минус появился еще в прошлом году. Класс был большой, и у Зои Назаровны не хватало времени толком

разобраться во всех своих учениках. Она пригляделась, поразмыслила и в уме поставила перед каждым из них плюс или минус. Малявкину достался минус.

Она поставила этот минус в уме, для служебного пользования, но мальчик постоянно чувствовал его, словно минус был выведен в журнале против его фамилии. И его нельзя было ни стереть, ни исправить.

Когда в классе поднимался шум, Зоя Назаровна, не поворачиваясь от доски, говорила через плечо:

– Малявкин и компания, тише!

Она называла его фамилию при каждом случае, даже если он в этот момент сидел набрав в рот воды. Она считала, что Малявкин все делает ей назло. А Малявкин просто не мог сидеть спокойно на месте. Где-то внутри у него была тайная пружинка, которая беспрестанно поворачивала его голову, заставляла ёрзать, приводила в движение руки. У этой пружинки никогда не кончался завод. Иногда мальчик спохватывался и старался изо всех сил удержать ее. Но стоило только забыться, как пружинка незаметно выскальзывала и снова приводила в движение голову, руки, язык.

Иногда, очень редко, Зоя Назаровна беседовала с Малявкиным.

– Ничем ты не интересуешься, – говорила она, и кончики ее губ презрительно опускались, будто кто-то тянул их за ниточки. – Ребята марки собирают, делают гербарии... Ты бы хоть спичечные коробки коллекционировал!

Малявкин переминался с ноги на ногу и усиленно крутил концы галстука. Он не решался сказать Зое Назаровне, что белые облака нельзя засушить, как кленовые листья, и нельзя наклеить в альбом, как почтовые марки. А Малявкин интересовался облаками.

Он ложился животом на подоконник, подпирал рукой подбородок и долго-долго следил за облаками, которые обязательно были на что-то похожи. На слона, на верблюда или на снежные горы. Конечно, облако не может долго быть верблюдом. На твоих глазах у верблюда пропадают горбы. Животное поджимает передние ноги и так вытягивает шею, что она наконец обрывается. И вот уже нет верблюда. Он пропадает в небе, но остается в памяти. Как его наклеишь на бумажку и покажешь Зое Назаровне?

...Если люди махнули на тебя рукой и не хотят разобраться в тебе, потому что кто-то поставил перед твоей фамилией минус, то у тебя есть два выхода: или самому махнуть на себя рукой, или любыми усилиями зачеркнуть несправедливый минус.

В глубине души он не очень-то рассчитывал, что с помощью учебников и тетрадей ему удастся избавиться от минуса. Он надеялся на другое средство. И когда однажды старшая вожатая объявила, что после уроков все пионеры отправляются собирать бумажную макулатуру, Малявкин почувствовал: судьба посылает ему случай доказать, что он не такой уж пропавший человек.

– Стране нужна бумага! – сказала старшая вожатая.

«Очень хорошо, что стране нужна бумага. Прекрасно, что стране нужна бумага! Тем более что ты можешь найти сколько угодно сырья для нужной стране бумаги». Так думал Малявкин, не переставая крутить кончики галстука. Он свернул их сначала в трубочку, потом превратил в спирали, а когда наконец оставил в покое, они повисли, как две красные сосульки. Он не слышал голосов учителей. В его груди звучали и пели на все лады зазывные слова вожатой: «Стране нужна бумага!»

После уроков все ребята вышли на школьный двор. Здесь каждому выдали сетку, похожую на рыболовную снасть. Эти сетки нужно было забросить в сотни квартир и учреждений и вытянуть их обратно на школьный двор с богатым уловом бумажной макулатуры.

Малявкин перекинул свою сеть через плечо и быстро зашагал к воротам. Было тепло, и на деревьях раскрывались почки. Из клейких золотистых чешуек выглядывали зеленые язычки листьев. И с земли казалось, что деревья покрыты зелеными многоточиями. Мягкий, подобревший ветер весны скользил по улицам. А высоко в небе он упирался в белые паруса облаков, и они плыли, меняя на ходу очертания.

На пути мальчику попался газетный киоск. Все четыре стены киоска были из стекла, и со стороны газетный домик был похож на большой старинный фонарь. В центре фонаря, на месте фитиля, находился киоскер: беловолосый и красно-

носый старичок. На носу у него сидели большие очки. Когда он разговаривал, то смотрел поверх очков. Очки только мешали ему.

Малявкин подошел к стеклянному домику и неуверенно спросил у киоскера:

– У вас есть старые ненужные газеты?

– Есть, – ответил киоскер.

– Можно их забрать?

– А ты думаешь, что старые газеты ничего не стоят?

– Разве старые газеты тоже стоят? – удивился Малявкин.

– Стоят. По две копейки, – ответил старичок, и глаза его так выкатились, словно собирались перемахнуть через очки. – А тебе зачем газеты? Для оклейки или для упаковки?

– Мне для макулатуры, – отозвался Малявкин.

– Для макулатуры, – повторил киоскер. – Вот оно что!

Лицо старичка засияло – зажегся фитилек. Он посмотрел на мальчика и вдруг подмигнул ему:

– Подойди-ка к двери.

Мальчик не заставил себя ждать. В два прыжка он очутился у двери киоска. Старичок приоткрыл стеклянную дверь и спросил:

– Тара у тебя есть?

Мальчик замялся. Тары у него не было. Может быть, старичок ничего не даст ему, раз нет тары? Но хозяин киоска осмотрел его с головы до ног и, обнаружив на его плече сеть, кивнул на нее:

– Подставляй сетку.

Сетка и была тарой.

Малявкин быстро стянул с плеча сетку и протянул ее старичку. И тут хозяин стеклянного газетного домика стал выгребать откуда-то куски картона, и бумажные обрезки, и мятые газеты, которые ничего не стоили, и оберточную бумагу, отслужившую свой век. Он энергично засовывал все это богатство в сетку. Не прошло и пяти минут, как сетка наполнилась до краев. Мальчик приподнял ее, и оказалось, что улов кое-чего весит. Тяжесть радовала его. Он с благодарностью посмотрел на старичка и сказал:

– Спасибо вам. Стране нужна бумага!

На школьный двор Малявкин пришел первым. От быстрой ходьбы он тяжело дышал. Фуражка с острым козырьком, похожим на грачиный клюв, съехала набок. Глаза весело блестя. А за спиной белела макулатура, разлинованная сеткой в крупную клетку.

Старшая вожатая и два старшеклассника-комсомольца сидели на скамейке перед школой и поджидали сборщиков макулатуры.

– Вот, – сказал Малявкин, сваливая к их ногам тяжелую ношу. – Вот, принес.

– Молодец! – сказала старшая вожатая. – Как твоя фамилия?

В эту минуту Малявкин дорого бы отдал за красивую фамилию. Ему сейчас очень нужна была звучная, гордая фами-

лия. Но где он мог раздобыть ее, если отец и даже дед были Малявкины!

Вожатая ждала ответа.

– Малявкин, – тихо сказал мальчик.

Он сказал тихо, но два старшекласника переглянулись, и мальчик заметил на их лицах усмешку.

– Запиши, Саша, его фамилию, – сказала старшая вожатая. – А ты, Малявкин, свободен.

– Свободен? – спросил мальчик. – А разве больше не нужно макулатуры?

– Ты свою норму выполнил.

– А можно я еще принесу? – Он неуверенно посмотрел на вожатую.

Вожатая пожала плечами.

– Если тебе нравится.

– Нравится, – признался мальчик и, подхватив пустую сетку, побежал к воротам, словно боялся, что вожатая раздумает и не разрешит ему идти за второй нормой.

Теперь Малявкин знал, где находится месторождение макулатуры. Он напал на золотую жилу! От киоска к киоску шагал он с сеткой за плечом. Он уже не интересовался старыми газетами, которые, как новые, стоят две копейки. Он показывал хозяевам стеклянного домика свою сетку – тара есть! – и спрашивал:

– Нет ли у вас бумажных обрезков, старого картона, бракованных газет?

Макулатура находилась. Безотказная пружинка, которая так мешала ему на уроках, теперь работала с пользой. Скорей, скорей, скорей! Стране нужна бумага! Очень хорошо, что стране нужна бумага! Значит, ты тоже нужен стране, если ты добываешь сырье для бумаги.

Во дворе около школы выросла большая белая гора. Ее носили ребята. Бумажная гора напоминала Малявкину прохладное облако, которое сделало вынужденную посадку под окнами школы. Ветер трепал полоски легкой бумаги, и казалось, что облако живое, что оно меняет свои очертания, как и подобает настоящему облаку.

Когда он в четвертый раз собрался было в поход, старшая вожатая остановила его:

– Хватит, Малявкин. Ты и так больше всех принес. Мы о тебе в стенгазете напишем.

Малявкин опустил глаза. Зачем писать о нем в стенгазете? Пусть лучше Зоя Назаровна сотрет свой минус и пусть перестанет считать его пропащим человеком, раз он на что-то способен. Но как все это объяснить вожатой?

Домой он пришел поздно. Он чувствовал себя счастливым. Ему казалось, что его минус погребен под большой бумажной горой. И теперь начнется новая жизнь.

Мигом вбежал он по лестнице.

– Ты что так поздно? – поинтересовалась мама.

– Мама, – ответил мальчик, и голос его звучал возбужденно и торжественно, – мама, я собирал макулатуру. Я три пол-

ные сетки...

Мама даже не дослушала его. Она сказала:

– Всякой ерундой занимаешься. Лучше бы уроки учил!

От неожиданности мальчик запнулся.

– Мама, стране нужна бумага, – сказал он упавшим голосом.

Но мама его уже не слушала. Она пошла разогревать обед.

Каждый день по дороге в школу Малявкин останавливался перед бумажной горой. Когда было ветрено, обрывки бумаги носились по двору. Они шуршали на асфальте и плыли по лужам, как белые кораблики.

Хотя стране нужна была бумага, никто не торопился забрать драгоценную макулатуру. И надо признаться, что белая гора постепенно таяла, словно была из снега, а дни стояли теплые.

Не раз сильный ветер поднимал самый настоящий бумажный смерч. Листки бумаги стучали в окна классов, будто хотели напомнить ребятам о своем существовании. А одна бумажная полоска прилипла к стеклу и билась от ветра, как маленький тревожный флажок, подающий сигнал бедствия.

Пошел дождь. Он мочил бумажную гору. И Малявкин переживал за нее. Это была его маленькая слава. Она помогла ему сохранить веру в самого себя. На большой перемене он выбежал во двор, отыскал где-то кусок толя и накрыл им макулатуру. Теперь она уже не была похожа на белое призем-

лившееся облако. Листки бумаги слиплись и потемнели.

На уроке Малявкин поднял руку.

– Что у тебя, Малявкин? – спросила Зоя Назаровна.

Мальчик поднялся. Он спросил:

– А когда из макулатуры будут делать бумагу?

Зоя Назаровна пожала плечами, и невидимые ниточки медленно потянули вниз уголки ее губ.

– Когда придет время, тогда и будут делать... бумагу, – сказала она, растягивая слова. Все, что относилось к Малявкину, она считала несерьезным и вздорным.

Однажды после шестого урока он сбежал со ступенек школьного крыльца и увидел, что истопник и завхоз берут охапками макулатуру и уносят ее в котельную.

«Наверное, решили спрятать ее», – подумал мальчик и проскользнул в дверь. То, что он увидел, поразило его. Он почувствовал, что на лице выступили красные пятна.

Охапки белой бумаги бросали в топку. Как белые облака, уплывали они навстречу огню. Пламя сразу обжигало их. Облака чернели и корбились, ветер подхватывал их, и они, легкие и хрустящие, уносились в трубу.

Мальчик подумал, что черные облака вылетают наружу и плывут над городом. И что сейчас все небо в черных, обугленных облаках. Из оцепенения его вывел голос завхоза:

– Чего стоишь, Малявкин? Помогай!

– Это нельзя жечь! – почти крикнул мальчик. – Это макулатура!

– Тебя забыли спросить, – поморщился завхоз. – Ну-ка посторонись!

Мальчик продолжал стоять на месте. Глядя в покрасневшее от жара лицо завхоза, он крикнул:

– Стране нужна бумага! Не жгите!

– А ну иди отсюда! – грубо сказал завхоз. – Малявка!

Его все называли Малявкой, но никто не хотел обидеть его этим словом. Зато сейчас привычная кличка прозвучала оскорбительно и зло. Слезы блеснули в его глазах. Но ему стало стыдно своих слез, и он быстро размазал их по скулам.

Он кинулся в школу. Он бегал по этажам и все искал, кто бы мог вступить за макулатуру. В пионерской комнате никого не было. В учебной части тоже.

В одном из коридоров он столкнулся с Зоей Назаровной.

– Ты что носишься как оглашенный? – спросила учительница.

– Зоя Назаровна, – сказал мальчик, прерывисто дыша, – Зоя Назаровна, они жгут макулатуру!

Ему казалось, что Зоя Назаровна немедленно побежит в котельную и будет спасать горящие белые облака. Но Зоя Назаровна спокойным голосом сказала:

– Так ведь пожара нет. Жгут не школу, а макулатуру.

Нет, это, конечно, не пожар. А может быть, и пожар.

Когда горит добро, горит твой труд, твоя надежда – это пожар!

– Иди домой, – сказала Зоя Назаровна и подтолкнула его

к двери.

Он шел по улице, глядя себе под ноги. Ему казалось, что если он поднимет глаза, то увидит, как там, в голубом апрельском небе, плывут черные, обуглившиеся облака. Он даже почувствовал горьковатый запах гари.

Когда он проходил мимо газетных киосков, то отворачивался. Ему было стыдно смотреть в глаза старичков и старушек, похожих на фитильки больших фонарей.

«Никакой новой жизни не будет», — думал мальчик. Все его надежды уплыли вместе с черными облаками.

И вдруг кто-то окликнул его:

— Коля!

Мальчик вздрогнул от неожиданности и остановился. Его обычно звали Малявкиным или Малявкой. Может быть, это зовут не его, а другого Колю? Он поднял глаза и увидел Зою Назаровну. Для учительницы эта встреча тоже была неожиданной. Она смотрела на мальчика и молчала. Она почему-то не знала, что сказать ему, и вид у нее был растерянный. И Зоя Назаровна показалась Малявкину большой девочкой, которую вызвали к доске, а она не знает урока. Он никогда не видел ее такой. И ему нравилась такая Зоя Назаровна.

А потом он поднял глаза и посмотрел в небо. Над головой плыли облака. Они были ослепительно белыми, без единого пятнышка. А одно из них было похоже на крупного слона с двумя горбами, как у верблюда. Малявкин улыбнулся двухгорбому слону и провожал его глазами до тех пор, пока слон

не потерял хобот.

Вратарь

Когда зимним вечером вы пройдете по Большой Кирпичной, то обязательно услышите отдаленный гул, который то замирает, то вспыхивает с новой силой. Кажется, где-то за домами бушует маленькое незамерзающее море: гудит штормовой ветер и на берег накатываются тяжелые волны. Если вас заинтересует это странное зимнее море, то дойдите до

Новосельской и сверните в арку углового дома. Перед вами откроются огни полярного сияния и клубы мутного пара, которые обычно поднимаются над теплым течением.

Только присмотревшись, вы обнаружите, что никакого моря нет. Есть ледяное поле, где гудят голоса маленьких любителей хоккея, звенят коньки и сломанные клюшки отлетают, как обломки кораблей. И если вы зайдете сюда, вам обязательно расскажут о Саньке Красавине.

Надо было видеть, как он стоял в воротах. Колени согнуты, голова опущена, подбородок уперся в грудь, острые, чуть прищуренные глаза смотрят вперед. Санька видит насквозь атакующих противников со всеми их хитростями и приемами. Такой уж у него дар: за мгновение до щелчка знать, в какой угол полетит шайба. Он редко ошибался. Яростный бросок вперед – и даже самые внимательные болельщики не успевают оглянуться, как шайба оказывается в «ловушке».

Случалось, что после победы восторженные поклонники уносили Саньку на руках. И он плыл над маленьким ледяным морем, размахивая клюшкой, как веслом. Что было, то было!

Но однажды субботним вечером произошло событие, которое перевернуло всю дальнейшую Санькину жизнь, разрушило его планы, нависло угрозой над главной его мечтой. Витька Чернов из соседнего дома прорвался к воротам. Он сделал обманное движение – замахнулся и чуть промедлил с ударом, – а Санька, опытный Санька, попался на его хитрость: рванулся в правый угол. Шайба же покатилась в

левый. Спасая положение, Санька выбросил ногу влево и задержал шайбу! Когда же попробовал встать, острая боль пронзила ногу, и Санька снова очутился на льду.

Доктор сказал:

– Перелом лодыжки... Нехороший перелом.

– Играть смогу? – в упор спросил Санька Красавин.

Доктор покачал головой.

...Теперь вместо клюшки в руках лучшего хоккейного вратаря с Большой Кирпичной появился костыль, а вместо ботинка с коньком ногу сковал гипс. И сам он стал тяжелым и неповоротливым. Выходя из дома, Санька старался быстрее проковылять к арке, чтобы не слышать похожий на морской прибой шум голосов. А когда до слуха долетал пронзительный клич «шайбу!», морщился, словно кто-то специально дразнил его.

Когда товарищи по команде спрашивали Саньку Красавина, скоро ли он вернется в строй, раненый вратарь отвечал: «Недельки через две встану в ворота». А через две недели он говорил: «Скоро... Уже почти не болит. Осталась ерунда».

На что он надеялся? На счастливый случай? Ведь врач ничего не обещал ему. А когда наконец снял гипс, то сказал:

– Будь осторожен. Перелом может повториться. О хоккее забудь.

Но как забыть о хоккее? Как вычеркнуть из жизни стремительный вихрь атак, звон коньков, свист летящей шайбы и приятную тяжесть доспехов, в которых чувствуешь себя во-

долазом? Как оторвешь от сердца маленькое ледяное море, которое в момент игры оживает, становится теплым и бурным, сбивает с ног и поднимает на гребень счастливой волны? Врачу легко рассуждать: он и клюшки-то небось не держал в руках. А что скажет Санька своим товарищам по команде? Ведь они ждут его. Надеются. Сейчас он придет во двор, и ребята спросят: «Скоро, Сань?» Неужели у него повернется язык ответить: «Никогда!»

И он ответил:

– Скоро! Вот уже сняли гипс. Нога окрепнет, и...

Санька обманывал товарищей и самого себя. Он сознавал, что никогда не сможет надеть коньки и выйти на лед с клюшкой, но смириться с этой мыслью тоже не мог. Он мучился, проклинал свои хрупкие, ни на что не годные кости.

Однажды ранним утром, задолго до школы, Санька оделся и тихо вышел из дому. В руках он держал клюшку, перчатки и щитки для ног. Что задумал отвоевавшийся боец? Встать на лед или навсегда закопать свои ставшие ненужными доспехи?

У подъезда Саньку ждал невысокий плотный паренек. Шапка на затылке, руки в карманах, нос уточкой.

– Женька! – окликнул Санька паренька. – Идем!

На хоккейном поле было пустынно. Легкий сухой снег слегка припорошил лед, и от коньков оставались четкие бороздки.

– Одевайся! – скомандовал Санька и протянул Женьке все

свое спортивное снаряжение.

Санька разговаривал сухо, отрывисто, с какой-то непонятной ему самому злобинкой, но Женька безропотно выполнял его распоряжения. И через несколько минут он уже в шлеме, в перчатках, в щитках, с огромной клюшкой в руке стоял на том месте, где обычно до злосчастного дня стоял сам Санька. Сейчас Санька ревностно осматривал своего маленького преемника, и ему казалось, что у того всё не так: и стойка неверная, и клюшку держит как палку.

– Подними голову! Или боишься шайбы?!

– Не боюсь. Бей!

Он еще не боится? Санька рассердился и поднял клюшку. Но ударил не со всей силой, чуть сдерживая свой замах. Шайба наткнулась на нос конька и откатилась в сторону, кружась на льду маленьким волчком.

– Молодец! – сказал Санька, хотя новый вратарь был тут ни при чем: шайба случайно наткнулась на конек. – Молодец! Внимательно следи за моей клюшкой.

И снова последовал удар. На этот раз посильней. Вратарь долго искал глазами шайбу, а она притаилась в сетке ворот, как пойманный карась.

– Пропустил! – вздохнул Женька.

– Ничего! – покровительственно сказал Санька. – Я тоже сначала пропускал.

Санька остался доволен первым уроком. Хотя новичок часто раздражал Саньку, и его подмывало самому надеть конь-

ки – хоть на минутку! – и показать ему, как это делается.

– До завтра! – сказал, вернее, скомандовал Санька.

– До завтра, – отозвался Женька, вытирая со лба пот и возвращая своему тренеру его снаряжение.

В подъезде Санька столкнулся с Филей, защитником дворовой команды.

– Тренируешься? – спросил Филя.

– А как же!

– Один?

– Скоро сыграем, – уклончиво ответил Санька и стал подниматься по лестнице.

Он прижимал к себе тяжелые, пахнувшие снегом доспехи. От этой приятной тяжести, от зимнего запаха Саньке казалось, что он сам только что стоял на льду на коньках, с клюшкой. Теперь ему не терпелось дождаться следующего утра, чтобы выйти во двор, где у подъезда, как на часах, будет стоять Женька, нетерпеливо постукивая коньками.

– Пошли!

И начиналась тайная тренировка: удары, броски, снова удары. И надо было случиться, чтобы однажды Санька ударил по шайбе, а Женька растерялся и не сумел увернуться. Шайба оставила на лбу ссадину. Новый вратарь заплакал.

– Не плачь, Женька, – утешал его Санька, прижимая к рассеченному лбу горсть снега. – Бывает и такое.

Санька посмотрел на снег, зажатый в руке, – в нем, как искра, теплилась капелька крови. Санька сильнее сжал пальцы, чтобы погасить эту искру, и набрал свежего снега.

Женька вырывался и ревел:

– Не буду больше играть! Ну его, хоккей...

– Ты же обещал. Дал слово... Хочешь, я куплю тебе мороженого?

– Не надо мне твоего мороженого!

– Да не реви ты! Не реви, а то стукну...

Ни уговоры, ни угрозы – ничего не действовало. Женька уходил с поля, бросая на лед вратарские перчатки, шлем, щитки. Санька молча шел за ним и подбирал брошенное снаряжение.

На другой день Санька, как обычно, поднялся очень рано и вышел во двор. Женьки не было. Санька, прихрамывая, бегал по пустому двору, свистел под Женькиными окнами. Женька так и не пришел.

Не пришел он ни на второй день, ни на третий...

А Санька каждое утро выходил во двор. На четвертый день Женька пришел. На лбу у него был здоровый синяк.

– Пошли! – как ни в чем не бывало скомандовал Санька и зашагал к хоккейному полю.

И снова в ранний час, когда дворовые хоккеисты еще досматривали сны, на катке звучали щелчки, слышался Санькин голос:

– Следи за моей рукой... Смелее выходи на шайбу... Крепче держи клюшку...

Надвигался ответственный матч. На этот раз противником хоккеистов дома с аркой была команда, которая на другом конце города славилась как непобедимая. Ребята готовились к бою. Они верили, что Санька Красавин встанет в ворота.

Как-то сам собой разнесся слух, что впервые после болезни на лед выйдет Санька Красавин. Эта весть облетела все близлежащие улицы. Ледяное поле окружило плотное кольцо зрителей. Горели лампочки. От дыхания поднималось теплое облако. Команды вышли на лед для разминки. А Санька Красавин не появлялся. Может быть, подвела нога? Или он раздумал играть? И вдруг по кольцу зрителей пронесся рокот:

– Идет! Санька идет!

Санька не спеша шел к хоккейному полю без шлема, без большой вратарской клюшки и без перчаток. И вообще на ногах у него были валенки. Зато следом, в полном вратарском облачении, семенил Женька. Зрители и команды наблюдали за этой картиной. Никто ничего не понимал.

Санька подошел к ребятам и, положив руку на плечо своему преемнику, сказал:

– Он встанет в ворота!

Санька произнес эти слова так твердо, что никто не решился с ним спорить. Да и выбора у команды уже не было. Пора было начинать игру. Женька вразвалочку подъехал к воротам и клюшкой, как ладошкой, сгреб снег с вратарской площадки. Он был маленьким и в снаряжении напоминал гриб. Зрители встретили его появление в воротах смешком.

Когда же в начале игры Женька пропустил в ворота первую шайбу, все стали ругать и его и Саньку, который вместо себя «подсунул такого». Но очень скоро противнику пришлось убедиться, что загнать шайбу в Женькины ворота не так-то просто. Он ловко выставлял руку – и шайба как бы сама ныряла в «ловушку», он на лету парировал удары клюшкой – и шайба отлетала, как мяч от лопаты. Несколько раз, спасая ворота, Женька смело бросался в ноги нападающих, и болельщики устраивали ему овацию.

И вскоре игроки и болельщики забыли, что в воротах стоит не Санька Красавин, а его маленький друг. Слишком много в нем было Санькиного: зоркий глаз, ловкость, бесстрашие в самые критические минуты. И крепко стиснутому толпой болельщиков Саньке порой казалось, что в воротах стоит он сам, только совсем здоровый.

– Правильно!.. Хорошо!.. Давай-давай!.. – шептал Санька,

и его суровое мальчишеское сердце наполнялось нежностью к этому маленькому человечку.

Санька жил его победами, его удачами, а когда Женьке доставалось, вместе с ним испытывал боль.

Матч закончился победой команды с Большой Кирпичной. Ребята на радостях подняли вратаря на руки и понесли его через двор. А Санька остался на опустевшем ледяном поле... Нет, он не испытывал обиды.

В это время к Саньке подошел какой-то малыш и спросил:
– Ты инвалид?

Санька очнулся от своей радости и почувствовал глухую боль в ноге, но с другого конца двора донесся знакомый голос:

– Санька!

И сразу множество голосов повторило:

– Санька!.. Санька!..

И он увидел, как, вырвавшись из рук своих почитателей, к нему по глубокому снегу бежал Женька, а за ним – вся непобедимая дворовая команда.

Ребята окружили Саньку, трясли ему руки, толкали, тискали его. И каждый испытывал чувство гордости за своего мужественного Саньку.

...Когда зимним вечером пойдете по Большой Кирпичной, то обязательно услышите отдаленный гул, который то замирает, то вспыхивает с новой силой. Кажется, где-то за домами бушует маленькое незамерзающее море.

Разбуженный соловьями

Когда в лагере говорили «Селюженок», ребята усмехались в предчувствии новых происшествий, а для взрослых это

слово звучало, как сигнал тревоги и предвестник неприятностей. Этот сигнал-предвестник начинал звучать с самого утра и не утихал до отбоя. Во всех уголках лагеря только и слышалось:

- Селюженок, заправь койку!
- Селюженок, вымой уши!
- Селюженок, перестань барабанить ложкой по тарелке!
- Селюженок, куда ты спрятал журнал?
- Селюженок, если ты не выйдешь из воды, больше не будешь купаться до конца смены!

Какие только грозные предупреждения и сердитые возгласы не следовали за словом «Селюженок»! За неделю лагерной жизни на него был истрачен годовой запас восклицательных знаков.

У Селюженка круглая голова, подстриженная под машинку, а уши торчат в стороны, как ручки сахарницы. Худое лицо всегда измазано сажей, или какой-нибудь краской, или просто грязью неизвестного происхождения. Селюженок маленький и хрупкий: ткнешь пальцем – он и упадет. Походка у него легкая и бесшумная, словно он не идет, а крадется. Как это такое хлипкое существо может доставлять людям столько неприятностей!

Худой, большеголовый, прыткий, он похож на огромного головастика. И взрослые считают, что с годами из него выйдет порядочная жаба.

Лицо у Селюженка непроницаемое.

Слова не то что отскакивали от него, как горох, они как бы проходили насквозь, не оставляя никаких следов. Когда мальчика ругали, он не морщился, не дергал плечом и не опускал глаза – он улыбался своим мыслям. Взрослым казалось, что мальчишка насмехается над их словами. Они теряли самообладание, надрывали голоса. Но Селюженок был надежно защищен от их гнева своей невозмутимостью.

Чаще всего Селюженок молчал. Это был надежный способ самообороны. Но если он и выдавливал из себя слово, то его ответы были односложными, лишенными настоящего смысла.

– Ты зачем взял у Брусничкиной зубную щетку?

– Просто так.

– У тебя что, нет своей щетки?

– Есть.

– Так зачем тебе вторая щетка?

– Просто так.

После разговора с Селюженком даже самые уравновешенные люди стучали кулаком по столу и хлопали дверями. У этого дурного мальчишки была удивительная способность нагнетать в людях злость, портить настроение и доказывать взрослым, что у них не в порядке нервы.

Селюженок тащил все, что плохо лежало. Он хватал ленточки для кос, карандаши, носовые платки, перочинные ножи. Он был похож на сороку, которая несет в свое гнездо ненужные для нее вещи. Сорочьим гнездом была тумбочка

Селюженка. Нет, он никогда не ел чужие сладости и не присваивал деньги. Все, что попадалось ему в руки, оставалось без всякого применения и не приносило ему никаких благ.

Никто не знал, что творится в душе у этого маленького колючего человечка. Нельзя было определить, весел он или печален, доволен жизнью или обижен. Он был всегда одним и тем же. С его лица не сходила глуповатая, лишенная всякого смысла улыбка. Он был неразрешимой загадкой, задачей, которая никогда не сходится с ответом. Взрослые махнули на него рукой и мечтали поскорей дожить до конца смены, чтобы навсегда избавиться от него. Ребята подсмеивались над Селюженком, когда он им досаждал, но, в общем, относились к нему терпимо. А малыши, завидя его, весело кричали:

– Селюженок-медвежонок! Селюженок-медвежонок!

Селюженок не сердился и не щелкал малышей по выпуклым лбам. Он улыбался. И они принимали его улыбку за чистую монету. Да так оно, возможно, и было.

Чашу терпения взрослого населения пионерского лагеря переполнил случай с пластилином. В один прекрасный день руководительница изокружка обнаружила, что в студии пропал большой кусок зеленого пластилина – весь запас кружка лепки. Сомнений не было: это мог сделать только Селюженок.

Расстроенная Татьяна Павловна в отчаянии прибежала к начальнику лагеря.

– Так больше нельзя! – быстро заговорила она, и лицо ее покрылось красными пятнами. – На прошлой неделе он вылил весь скипидар. Теперь – пластилин! Надо что-то делать!

Татьяна Павловна не назвала имя похитителя пластилина, но начальник лагеря безошибочно определил, о ком шла речь.

– Позвать Селюженку! – крикнул он дежурному, и настроение его сразу стало портиться.

Через несколько минут на пороге кабинета уже стоял виновник очередного происшествия. Он стоял молча и смотрел на начальника невидящими глазами, словно начальник был прозрачным и мальчик видел сквозь него спинку стула.

– Селюженок! – В голосе начальника лагеря звучали недобрые нотки. – Что ты молчишь? Отвечай: зачем ты взял пластилин?

– Я не брал, – спокойно ответил Селюженок.

– Покажи руки.

Мальчик охотно протянул руки.

– Разожми кулаки.

Селюженок разжал кулаки.

– Поверни ладошками вверх.

Селюженок выполнил и эту команду.

– Смотри! У тебя все руки в пластилине.

– Это не пластилин.

– А что это?

– Это грязь.

– Ах вот оно что! Грязь. Завтра же я отправлю тебя в город. Ясно? – И, не дожидаясь ответа, начальник лагеря, в котором все внутри клокотало, почти крикнул: – Иди!

Селюженок спокойно повернулся и как ни в чем не бывало зашагал к двери.

– Селюженок!

Мальчик остановился и повернулся к начальнику.

– Я тебя в последний раз спрашиваю: ты брал пластилин?

И этом вопросе не было никакого смысла. Все было ясно. Просто начальнику хотелось добиться признания.

Селюженок молчал. Он стоял перед разгневанным начальником и следил глазами за жирной блестящей мухой, которая, проворно шевеля проволочными лапками, ползла по стене. В эту минуту у похитителя пластилина не было более важного дела.

– Иди! – закричал начальник.

Он был, в общем, неплохим человеком, но этот Селюженок пробуждал в нем зверя.

Селюженок попрощался глазами с мухой и направился к двери.

...Он спал крепко, как обычно спят люди с чистой совестью. Он ложился на правый бок, поджимал ноги, подворачивал под плечо одеяло, и не проходило пяти минут, как начинал легонько посапывать. Во сне он ничем не отличался от других ребят. Селюженок засыпал, и в лагере выключался источник беспокойства и неприятностей. Взрослые облег-

ченно вздыхали. Откровенно говоря, они были бы счастливы, если бы Селюженок так и проспал до конца смены. Как спящая царевна.

Он спал на одном боку до тех пор, пока медный горн хриплым, словно со сна, голосом не пел подъем. Тогда Селюженок вскакивал на ноги и, как стрела, выпущенная из лука, устремлялся вперед, навстречу новым злоключениям.

В эту ночь в нарушение всех правил Селюженок вдруг проснулся. Не тревожные думы подняли среди ночи похитителя пластилина. Он проснулся от свиста.

Мальчик повернулся на другой бок и натянул одеяло на голову. Свист не прекращался. Он, как пуля, пробивал тоненькое одеяло и не давал спать.

Селюженок сел на постели и огляделся. Никого рядом не было. Все ребята крепко спали. А свист не утихал. Это был не простой свист. Если вложить в рот четыре пальца или сложить губы трубочкой, так не засвистишь.

Свист то замирал, то звучал с новой силой. В нем билась и клекотала картавая горошина. А порой слышалось частое пощелкивание, будто кто-то рубил свист на мелкие кусочки.

Это пели соловьи.

Селюженок рассердился на птиц, которые не давали ему спать. Он на ощупь отыскал брюки, натянул их и бесшумно подошел к окну. В кармане лежал тяжелый камень. Селюженок зажал его в кулак и легко перемахнул через подоконник.

Соловьиный оркестр умолк. Теперь пел только один соло-

вей. К нему с камнем в руке шел Селюженок.

Звезд не было видно, и казалось, что в темноте небо опустилось и прилегло на землю.

Селюженок чувствовал на щеке влажное прикосновение неба и его ознобный холодок. Он вздохнул поглубже и весь наполнился свежестью. Это потому, что он дышал небом.

Осторожно переставляя босые ноги, мальчик с камнем в руке шел на соловьиный свист. Теперь соловей пел так громко, что было удивительно, как он не разбудил всех ребят. Селюженок подошел к дереву и запрокинул голову. Напрягая зрение, он стал всматриваться в густые темные ветки. Соловей пел рядом, но его не было видно, словно он надел шапку-невидимку. Звуки падали из его горлышка чистыми, хрустальными каплями. И хотелось подставить руку, чтобы поймать хоть одну такую каплю. Поющие капли сливались в одну серебристую нить, которая тянулась к разбуженному мальчику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.